

Николай Ахшарумов

Весна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Ахшарумов**
Весна / Николай Ахшарумов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 378 с.

ISBN 978-5-518-08041-6

ISBN 978-5-518-08041-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. — ПРЕДИСЛОВІЕ	III.
II.—ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОЧИ. Повѣсть Ю. Л. ЖУКОВСКАГО.	3.
III. — СТИХОТВОРЕНІЯ В. Л. АХШАРУМОВА.	
1. Старуха	139.
2. Лѣтомъ	147.
3. Могила	—
4. Гаданіе	149.
5. Пускай грозить и гонить свѣтъ	151.
IV — СВАДЬБА. Повѣсть И. ЮРЬЕВА	155.
V. — ПѢСНИ ЛИТОВСКАГО НАРОДА В. Л. АХШАРУМОВА.	242.
VI. — ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ РОССИИ СЪ ТОЧКИ ЗРЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ПРАВА. Ю. Л. Л. ЖУКОВСКАГО	253.
VII. — КРИТИКА. НИК. АХШАРУМОВА.	
1. Тысяча душъ, Романъ въ 4-хъ частяхъ Алек- сѣя Писемскаго, С. П. 1858 г	291.
2. Воспитанница, Комедія А. Н. Островскаго, Биб. д. Ч. Янв. 1859 г	345.
3. Дворянское гвѣздо. И. С. Тургенева, Совр. Янв. 1859	358.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОЧИ.

НОВѢСТЬ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА I.

Знаете ли вы городъ, среди лѣсовъ и болотъ, подъ вѣчно-туманнымъ небомъ? Его дома—казармы, улицы—площади, его площади—пустыни. Онъ не отличается ни чистотой, ни порядкомъ, хотя имѣетъ страсть къ тому и другому; его мостовыя не славятся прочностію и удобствомъ, за то врядъ ли гдѣ въ цѣлой Европѣ можно ѣздить такъ скоро, до съумасшествія скоро, и такъ легко ломать экипажи. Онъ хвалится образованностію, хотя до сихъ поръ не знаетъ, что значитъ давать на улицѣ свободный проходъ женщинамъ. Онъ хвастаетъ роскошью и изяществомъ жизни, хотя другіе говорятъ, что за эту роскошь и это изящество онъ весь въ долгахъ. Многіе его упрекаютъ въ порчѣ понятій и нравовъ, въ пренебреженіи . . . . ., въ безчувственности и холодномъ эгоизмѣ. Я знаю, что онъ каждый праздникъ звонитъ въ колокола, и что онъ достаточно сердоболѣнъ, потому что въ немъ нѣтъ недостатка въ нищихъ. Онъ мало удивляется и не умѣетъ вообще выражать сочувствія; онъ очерствѣлъ къ впечатлѣніямъ, правда, но это потому, что онъ много видѣлъ: отъ сладострастныхъ ночей среди блестящихъ палатъ до аскетизма тюремныхъ келій, отъ Камчатки до Лондона, и далѣе. Говорятъ,

что въ немъ мало мужей, вѣрныхъ женамъ; я же знаю, что въ немъ еще менѣе женъ, вѣрныхъ мужьямъ. Хуже—говорятъ, что въ немъ вообще мало людей вѣрныхъ Россіи,—что онъ не похожъ на Русскій городъ какъ будто въ немъ мало гнилыхъ заборовъ, деревянныхъ домовъ и пьяныхъ по праздникамъ;—что въ немъ живутъ желчные, недоброжелательные, скрытные люди, льстецы, люди, которые любятъ ходить задами, посѣть личину и не давать явной свободы ни одной страсти, кромѣ тщеславія, которые любятъ жать руки и подкапывать провалы въ одно и тоже время, объѣдать и обыгрывать, все бранить и надъ всѣмъ смѣяться, не исключая самихъ себя, и съ этой внутренней проніей подъ вѣшнимъ блескомъ гнить зѣражающія дѣла; а я знаю только, что нигдѣ человѣкъ не обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ тактомъ, который даетъ ему постоянную, хотя наружную высоту и благородство во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ жизни, какъ бы онъ ни былъ жалокъ и пошлъ въ сущности.

Да! вы знаете этотъ городъ; ваши грезы дѣтства можетъ быть дѣлѣли его далеко гдѣ нибудь на краю Россіи. Если вы побывали въ немъ разъ, вы носите уже въ глазахъ вашего околка зеленую повязку, на подобіе татарина, сходявшаго въ Мекку. Можетъ быть онъ растлилъ вашу юную душу своимъ суровымъ опытомъ, изсосалъ полусту ваши молодья силы, обманувъ вашу дѣтскую вѣру въ свои золотыя маковки и блескъ, и жаръ, и громъ рѣчей; и въ вашемъ обиженномъ сердцѣ готовы желчные упреки его порокамъ или даже проклятія. Напрасно, бросьте ихъ, эти упреки, и постарайтесь сжиться съ его интригами и грязью и извуряющимъ воздухомъ, холодомъ и скукою, и жизнью, закованною въ такія тѣсныя формы. Все равно, послѣ него вы нигдѣ не уживетесь больше въ Россіи. Спросите у этихъ старичковъ, что дръжать у ногъ дерзко-размазанныхъ красавицъ: что они сдѣлали, чтобъ такъ помолодѣть къ старости? и постарайтесь послѣдовать ихъ примѣру. И когда вы будете ѣздить въ каретахъ и пить тонкое вино, можетъ быть вы отыщете въ этой жизни такіе задатки свободы, которыхъ не захотите промѣнять ни на что на свѣтѣ. Вспомните одно только: чтобы вы не предприняли, на что бы вы не рѣшились здѣсь, никто васъ не предостережетъ и не остановитъ, никто не вмѣшается въ ваши намѣре-

нія и не станеть заботиться и сплетничать; потому что здѣсь никому вѣтъ дѣла до васъ, и еще менѣе до вашей правдивности; а если и нашелся бы какой нибудь невѣжа, тогда . . . Тогда слѣдующія главы помогутъ вамъ, можетъ быть, зажать ему ротъ, не пригласивъ *его обѣдать*.

Торжественно возвышается въ одной изъ бойкихъ сторонъ Петербурга одно громадное зданіе. Передъ главнымъ фасомъ его стелится обширная площадь. Ее многіе не любятъ, и вотъ почему: она такъ велика, что человекъ совершенно пропадаетъ среди нея, со всѣмъ своимъ величіемъ въ лицѣ и осанкѣ. Какъ бы онъ гордо ни несъ голову, сколько бы ни было у него власти, среди безконечныхъ рядовъ криваго булыжника онъ такъ затерявъ и малъ, что невольно начинаешь сомнѣваться въ его величій. Остальными сторонами зданіе смотритъ на широкія улицы и занимаетъ, такимъ образомъ, цѣлый кварталъ. Не такъ еще давно на этомъ самомъ мѣстѣ тѣснился рядъ хилыхъ домовъ бѣдной архитектуры, то деревянныхъ, то каменныхъ, на половину какъ бы вѣхавшихъ въ землю, съ узкими, подслѣповатыми окнами, тѣсными дворами и сгнившими заборами. Возлѣ тянулся рядъ извозчичьихъ колодъ, вокругъ которыхъ стаями гнѣздились голуби, текла невысыхающими лужами мутная, заражающая жидкость, гнили, отмерзали и замерзали груди всякой нечистоты, и, если вѣрить разсказамъ, по ночамъ ходили смѣлые люди, встрѣчи съ которыми избѣгалъ запоздалый прохожій. Не много лѣтъ тому назадъ одво казенное вѣдомство откупило мѣсто, спугнуло его жителей въ разные концы города, снесло хилые дома и вывело то величавое зданіе, которое стоитъ здѣсь до сихъ поръ. Съ того времени любопытный прохожій останавливался не разъ передъ выросшею громадой, и стаямъ кочующихъ голубей не слетались болѣе на бывша мѣста вить раззоренныя гнѣзда по вновь разбитымъ дворамъ и крышамъ. Дѣйствительно, есть передъ чѣмъ остановиться. Такъ выведены лвовыя стѣны, такъ обдуманъ на нихъ всѣ архитектурныя украшенія, до малѣйшихъ подробностей, такими бойкими линиями заканчиваются всѣ разнообразныя планы; во всемъ выдержана такая строгая пропорція: ни одинъ карнизъ нельзя исказить на волю, не нарушивъ общаго; все такъ цѣло, такъ обдуманно. И

потомъ, съ какимъ рвеніемъ къ опрятности содержится оно. Случится ли гдѣ пятно, обвалится ли гдѣ штукатурка, сію же минуту все это исправляется, чистится, красится, замазывается. Какая противоположность съ тѣми зданіями, что сплошными стѣнами жмутся возлѣ, составляя боковыя улицы. Въ нихъ все пожертвовано разсчету; этотъ разсчетъ налегаетъ на каждое окно, каждый кирпичъ отдаетъ выгадывавшейся копѣйкой; на всемъ тяжелая рука спекуляціи. Тутъ совершенно другое дѣло: окна прорѣзаны такъ широко и свободно, съ разными затѣями; всякая дверь чуть не въ ширину другой комнаты; одна швейцарская могла бы вмѣстятъ цѣлое присутственное мѣсто; полъ въ ней, какъ въ рѣдкой гостиной. Но лѣстница—это уже верхъ совершенства; она одна занимаетъ большую часть зданія; на нее художникъ употребилъ все свое творчество, всю силу фантазіи и заботы, и всѣмъ ей, кажется, готовъ былъ жертвовать. Два льва, безпросьпные, какъ всѣ сторожа вообще, легли у ея начала. Дальше . . . но что дальше! Живи онъ, словомъ, лѣтъ триста назадъ, ему бы вѣрно выкололи глаза за эту лѣстницу. А далѣе пойдутъ по тремъ этажамъ зала за залой, одна богаче, просторнѣе другой. Строитель, кажется, хотѣлъ, чтобы свободно здѣсь было людямъ, чтобы ничто мелкое, пошлое не попадалось ихъ глазу, и чтобы человѣкъ, встрѣчая одни широкіе, благородные размѣры кругомъ себя, невольно проникался самъ этой свободой и благородствомъ.

На площади и окрестныхъ улицахъ постоянный шумъ, суета и движеніе съ утра и до поздней ночи, говоръ, хольба и ѣзда, никогда не стихающія; но никакая суета въ мірѣ, никакой базаръ или биржа, фабрика, или гульбище не сравнятся съ той суетой, которая царствуетъ въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ этого зданія съ утра и до пяти часовъ по полудни, когда, какимъ то верховнымъ закономъ, угомоняются служебныя страсти и человѣкъ переходитъ въ тѣсный кругъ домашнихъ интересовъ. Съ утра, когда только два курьера выйдутъ къ подъѣзду стережъ пріѣздъ главнаго начальника, всѣ наружныя двери постоянно растворяются и одинъ за другимъ въ нихъ пропадаютъ чиновники. На лѣстницѣ, въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ подымается бѣготня съ бумагами и безъ бумагъ. Курьеры съ оторопѣлыми

взглядами, влача громадные кожаные туки, чиновники всѣхъ классовъ и физиономій летятъ, толкаютъ другъ друга, торопятся. Тутъ самыя смиренныя натуры, съ глубокимъ, неумолимымъ хладнокровіемъ рѣшающія труднѣйшіе вопросы своей домашней жизни, приходятъ въ какую то ярость, не могутъ сдѣлать шага, не кинувшись сперва во всѣ стороны, совершить самаго простаго, естественнаго отправленія безъ судорожныхъ движеній во всемъ организмѣ, безъ страстныхъ выходовъ и озабоченнаго до растерянности вида, безъ страшной, превосходящей всякую мѣру суеты И вотъ передъ нами уже не простое знаніе, въ которомъ слабыя смертные работаютъ надъ счастіемъ и спокойствіемъ себѣ подобныхъ, а огпедьшущая гора. Прочъ двери и крыши, и чиновный кратеръ начинаетъ метать сквозь всѣ возможныя жерла, съ неимовѣрной силой, на далекія пространства густыя массы сѣрыхъ отношеній, приказовъ, писемъ и рѣшеній, вмѣстѣ съ красной смолой и густымъ чиновнымъ чадомъ. Страшно вылетаютъ эти массы изъ горячаго горла, клубясь въ воздухѣ, готовые съ часу на часъ похоронить жизнь цѣлыхъ городовъ и селеній подъ спудомъ чернильной лавы, быстро несутся къ разнымъ угламъ неоглядной Россіи, и падаютъ тяжелыми туками на почернѣвшіе столы отдаленныхъ почтовыхъ конторъ.

Вамъ случалось, вѣроятно, видѣть и это знаніе, если не въ натурѣ, то гдѣ нибудь за выпачканнымъ мухами, запыленнымъ стекломъ на почтовой станціи, или въ уѣздномъ трактирѣ, или на ярмаркѣ въ губернскомъ городѣ. Можетъ быть, бурое пятно покрывало уголь картинки и задѣвало край зданія. Не вѣрьте этой злой клеветѣ; этого нѣтъ въ натурѣ. Мы даже не имѣемъ невѣжественной привычки, какъ Нѣмцы, писать на углахъ: *Dieser Ort darf nicht....* Можетъ быть, среди площади были изображены подбоченясь какіе нибудь молодцы въ треугольныхъ шляпахъ съ перьями, верхомъ, или на калиберныхъ дрожжахъ, кареты четверней, съ двумя гайдуками на запяткахъ, или дамы въ фижмахъ; не вѣрьте и этому. Все это исчезло; одни калиберныя дрожки не могутъ исчезнуть.

Давно, въ одинъ зимній день, чиновники одного изъ отдѣленій зданія сидѣли на столахъ и за столами, бѣгали, разговаривали

передъ началомъ дѣла. Хотя было уже довольно поздно, и туманный день скоро долженъ былъ подойти къ сумеркамъ, но дѣло еще собственно не начиналось; потому что начальника отдѣленія не было въ присутствіи. Одни только канцелярскіе пѣлы на своихъ гусиныхъ дудкахъ, каждый съ своимъ личнымъ мотивомъ, дѣла, отношенія, рапорты и т. д., когда появленіе въ дверяхъ небольшого человѣка, съ довольно развязными, живыми, но угловатыми движеніями, крестомъ на шеѣ и огромнымъ портфелемъ подъ мышкой, произвело внезапное смѣненіе въ средѣ присутствовавшихъ. Десять канцелярскихъ вскочили разомъ съ своихъ мѣстъ, произвели первые неожиданный громъ стульями и также скоро опустылись. Вслѣдъ за ними остальные чиновники зашевелились, соскочили со столовъ и бросились на перерывъ изъяснять свое почтеніе развязному человѣку. Онъ сильно замоталъ головой во всѣ стороны, протягивалъ въ право и въ лѣво обѣ руки, жалъ что ни попадалось и наконецъ также усѣлся на столъ и въ такомъ уже видѣ, болтая тоненькими ножками, оканчивалъ пожимать руки подходившимъ чиновникамъ. По всему было замѣтно, что это былъ начальникъ отдѣленія. Мало по малу пожатія рукъ были кончены, но чиновники не разошлись, какъ бы слѣдовало ожидать, а составили около Начальства довольно плотный кружокъ. Самая поза, которую принялъ начальникъ отдѣленія, усѣвшись на столъ, а не въ кресла, поза, въ которой онъ чаще всего бесѣдовалъ съ подчиненными о постороннихъ предметахъ, кажется указывала ясно желаніе начальства переговорить о томъ, о семъ до начала занятій. Это поняли лучше всѣхъ молодые, блѣднлицыя чиновники, съ бѣлыми чистыми воротничками, принадлежавшіе къ разряду молодыхъ дѣлцевъ, въ противоположность старымъ чиновникамъ, въ потертыхъ вицмундирахъ, фантастическихъ жилетахъ, безъ видимыхъ признаковъ бѣлья, называемыхъ обыкновенно чижами, крючками и т. д. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько чиновниковъ, составляющихъ средину между старыми и новыми вицмундирами, съ притязаніемъ на порядочность, но съ какимънибудь изъяномъ или ошибкой противъ строгаго вкуса въ галстухѣ, жилетѣ, фізіономіи или даже языкѣ. Между послѣдними замѣтенъ былъ какой то длинный, длинный, съ совершенно вы-